

Анна Константиновна Черткова
Один против всех

Изд: "Вегетарианское обозрение", N 7, Киев, 1909 г.

Оригинал: Центр защиты прав животных "Вита" <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/chertkov-one.htm>

Один против всех

(Посвящаю сыну Диме)

Была Страстная пятница. На крыльце рабочей избы сидел молодой конюх Федор, покуривая свою трубочку. К нему медленной, вялой походкой подошел десятилетний барчук Коля и в нерешительности остановился у крыльца.

-- Что невесело глядите, Николай Петрович? Аль нездоровы чем? -- спросил его Федор.

-- Нет, я так... Скучно.

-- Чего же вам скучно--то? Вот послезавтра праздник, гости наедут, угощение, веселье будет...

Мне ничего не надо, никакого веселья... Мне все равно скучно будет, -- упрямо твердил Коля.

-- Что так? Аль обидел кто? Аль серчаете на кого-нибудь? -- участливо допрашивал Федор.

-- Как же не сердать? Конечно, серчаю... Очень даже обидно: зачем они моего Лыску зарезали, будто нам есть нечего! Ну ты сам посуди: я его поил, ласкал, он меня так знал -- бывало, куда я пойду, он за мной бежит, издали мой голос узнавал, такой хорошенький, беленький, мордочка розовенькая, я его в так, так любил, больше всего на свете, а теперь его у меня не будет... И Коля заплакал и, всхлипывая, кинулся на шею Федору и уткнулся лицом ему в плечо. Федор сочувственно стал гладить его по голове: "Ну полноте, полноте, Коленька... Ах ты горе какое! Как же про это вы узнали?"

-- Прихожу сегодня, -- говорит Коля ноющим голосом, -- ищу, ищу, где Лыска? А Маланья говорит: вот Пасха придет. к столу подадим вашего Лыска, разговееетесь им... Фу, противная, злая, гадкая...

-- Полноте, Коленька, -- возразил Федор, -- да нешто это ее вина? Чай это папаша с мамашей распорядились позвать мясника, а уж ее дело только зажарить...

-- Мне все равно, они все, все злые, не пожалели.

-- Ну, услышал бы папаша. за такие речи по головке не погладил... Нешто можно так серчать на родителей! Дело обнаковенное. Кабы еще телушка была -- другое дело, а то теленок: куда же его девают? Все так, почитай, делают: выпоют, значит, хорошенько, чтобы мясо слаще было. чтобы к празднику было чем разговеться... Уж такой порядок заведен, -- говорил Федор, спокойно покуривая и поплетывая в сторону.

-- И ты такой же, как все, -- прервал его рассуждение Оля с жалобным упреком в голосе, -- а я думал, что ты добрый... Значит, и ты есть его будешь, бедного Лыску?

-- А что же, коли дадут, так поедим и мы; отчего ж, оно не поганое, -- сказал Федор, притворно веселым голосом и, передернув плечами и крикнув, отвернулся от Коли.

А Коля, уныло повесив голову, бормотал про себя: Господи, что же это! Все, все говорят так. Что же мне делать?.. Ну пусть бы он сам умер; а то ведь убили, зарезали. Скажи, Федор, как его резали? Ты видел? -- и Коля, схватив его за рукав, пытливо заглядывал ему в глаза.

Парень отвернулся. -- Ну, видел. Так что ж?

-- Скажи, как это было? Как это, как? -- допрашивал Коля.

-- Да что вам, право, как да как! Ну, обухом по голове, да ножом по горлу, вот и вся недолга.

-- Ай, ай! -- слегка вскрикнул Коля, невольно хватаясь за голову. -- Как это обухом? Сюда, так? -- стукнув себя по лбу, говорил он. -- И много крови? И кричал он, бедненький?

-- Крови много, точно. Нарочно спускают, чтобы мясо вкуснее было. А что больно, того не скажу. Он, чай, и не опомнился. Уж очень ловко делает это мясник наш, Спиридон Тимофеевич.

-- Да, ишь ты, не больно. Как же, так я и поверю, -- продолжал Коля, -- мне доктор нарыв прорезал на шее, как больно было! А страшно, ужас! Мама так боялась, чтобы доктор меня не зарезал. Плакала, плакала, больше, чем я даже. А доктор-то, наверное, еще ловчее мясника будет... И зачем это все неправду говорят, -- вдруг жалобным голосом снова заговорил Коля, -- все недобрые стали, все злые. И ты тоже...